

Все совпадения случайны...
Все персонажи вымышлены...

От автора

Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем.

И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя...

Ф. Ницше

Конец июля 1868 г. Санкт-Петербург

Глашенька, дорогуша, ну что такое? Ты опять заставляешь меня ждать? — Нижняя губа детектива Свистунова капризно оттопырилась. — Я тебя зову-зову, вот что за безобразия такие тут творятся! — Аристарх Венедиктович смахнул несуществующую слезу с щеки.

— Аристарх Венедиктович, родненький, не извольте гневаться! Я здесь. — Глафира застыла в полупоклоне в дверях.

— Явилась, дорогуша! — тяжело вздохнул хозяин дома и принялся оттряхивать невидимые крошки с сюртука английского покроя.

— Если вы по поводу обеда, то через десять минут все принесу, все готово уже, — принялась оправдываться горничная.

— Все ты едой меряешь, Глашенька! Не хорошо так, детонька, надо и о пище духовной подумать, — сложив пухленькие ручки на объемном

животе, закатил глаза к потолку господин Свистунов.

Горничная Глафира чуть не упала от неожиданности, чтобы Аристарх Венедиктович по своей воле отказался от обеда и предпочел вкусной и обильной трапезе пищу духовную, — такого на ее памяти отродясь не бывало.

Она от неожиданности открыла рот:

— Аристарх Венедиктович, но ведь...

— Да не пугайся ты так, обед никуда не денется, — с лукавой улыбкой произнес Свистунов, заметив недоумение прислуги. — Просто-напросто накрой сегодня в столовой на две персоны.

— У вас будут гости? — снова удивилась девушка.

Гости у господина Свистунова бывали редко, все чаще клиенты, но жадный до плотских удовольствий, в частности до обжорства, сыщик не допускал в святая святых — в столовую к обеду.

— Конечно, будут, почему нет? — снова капризно протянул хозяин. — Так что не экономь там, на стол сервиз новый поставь, вилки там серебряные. Ну, ты знаешь, — загибал пальцы на руках Свистунов.

Глафира кивнула.

— Вино гишпанское открой, что князь Муромский презентовал в прошлом году.

Глаша снова кивнула.

— Да, и еще — самое главное. — Глаза Аристарха Венедиктовича блеснули недобрый светом. — Смотри у меня, Глашка, сегодня без сюрпризов с твоей стороны, — погрозил он пальцем притихшей девушке.

— Аристарх Венедиктович, да я... — испуганно замахала руками Глафира.

— Знаю я, все знаю, что ты! Вечно лезешь куда не следует! Суешь свой длинный нос в мои расследования! — грозно закончил Свистунов.

— Но я...

— Не перебивай меня, и на сегодняшний вечер я тебя очень прошу... нет, даже требую... веди себя как горничная... Твоя задача...

— Приготовить и принести на стол, — кивнув, закончила мысль Глафира.

— Не забудь на стол накрыть, — ухмыльнулся сыщик. — И чтоб в разговор умных мужчин не лезла, соблюдала эту... как там ее... субо... суба...

— Субординацию, — подсказала Глаша.

— Ага, ее самую, — согласился Свистунов. — Надеюсь, Глаша, ты меня услышала? А то я совсем прислугу распустил, — неодобрительно покачал головой Аристарх Венедиктович. — Давай беги, на стол накрывай, в два часа прибудет Лука Матвеевич.

— Спасский? Тот самый Лука Матвеевич Спасский? — ахнула от удивления Глафира.

— Спасский-Спасский, вижу, ты знаешь, кто это. И какой человек сегодня решил посетить лучшего сыщика Санкт-Петербурга, — приосанился господин Свистунов.

Он принялся прославлять свое скромное имя и свою незаурядную профессию, но Глафира его уже не слушала. Неопределенно кивнув, она поспешила на кухню украшать пироги и расстегаи с рыбой.

Горничная задумалась, что же Луке Матвеевичу понадобилось в их скромных меблированных комнатах на набережной реки Мойки.

Господин Спасский был известный в городе публицист, литератор. В Северной столице он читал публичные лекции о духовном просвещении, о философских доктринах, но неизбежно было одно — во всех своих произведениях он ратовал за превосходство мужского пола, женщина в его системе координат была лишь симпатичным придатком к мужчине, таким милым домашним зверьком, вся жизнь которой должна была строиться только вокруг своего господина-мужчины, даря уют и комфорт. Женщин низших сословий Лука Матвеевич воспринимал как тягловый скот, дам из высшего света — как приятное дополнение к муж-

чине. Что интересно, его лекции и обвинительные речи в адрес женщин имели огромный успех в Санкт-Петербурге, мужчины слушали его взахлеб, покупали книги, читали статьи в журналах, а женщинам оставалось лишь шипеть ему вслед да сочинять желчные эпиграммы, которые, впрочем, Лука Матвеевич даже не читал.

Теперь Глафира стало понятно, почему Аристарх Венедиктович запретил ей встречать в разговор, ведь умных женщин, по мнению Луки Матвеевича, не существует.

Глафира удрученно вздохнула, нарезала зелень на салат, протерла чистым полотенцем бокалы для вина и принялась накрывать на стол.

— Вот уж не подозревала, что Свистунов такой же болван, как и Спасский! — прошептала она про себя.

Ровно в два часа дверной колокольчик оповестил о прибывшем госте.

Глафира отряхнула подол юбки, поправила накрахмаленную заколку на волосах и побежала открывать дверь.

Лука Матвеевич с незабвенной кислой ухмылкой на губах ввалился в прихожую, скинув остолбеневшей Глафире на руки свой двубортный плащ модного покроя.

Именно ввалился, так как господин Спасский больше всего напоминал дрессированного двухметрового медведя, сбежавшего из цирка.

Одарив Глафиру уничижительным взглядом, даже не поздоровавшись, Лука Матвеевич топтался на пороге и отправился по коридору в столовую, где уже ждал его сыщик Свистунов, от голода и нетерпения нарезавший круги вокруг празднично накрытого стола.

— Лука Матвеевич, голубчик! Польщен, весьма польщен! — подскочил к входящему гостю Аристарх Венедиктович. — Как добрались? Не растряслись в дороге? Присаживайтесь, присаживайтесь, — засуетился сыщик, подпрыгивая на месте.

Его пухленький живот при этих суетливых движениях весьма комично трясся, и Глафире пришлось приложить немалые усилия, чтобы не рассмеяться во весь голос, но улыбка все-таки коснулась ее губ, за что она тут же получила ненавидящий взгляд публициста Спасского.

— Однако ж, — прошипел он, с возмущением глядя на Глашу.

Та смутилась и скрылась за дверями, чтобы принести в столовую горячее.

— Присаживайтесь, присаживайтесь, вот сюда, — продолжал расшаркиваться перед гостем Свистунов.

— Еле доехал, погода ужасная, — прорычал, как медведь, Лука Матвеевич. — И район у вас ужасный, от центра еле доедешь, и коляска сегодня ужасная, и вообще... — пожаловался гость.

«Угу, все ужасное! Все всегда ужасное!» — передразнила про себя Глаша.

— Давайте исправим ваше настроение, вот рябчики томленные, расстегаи горячие, буженинка с горчишкой. Угощайтесь, Лука Матвеевич. Попробуйте, советую блины с икоркой, Глафира у нас мастерица по блинам, — радостно сообщил Свистунов и тут же умолк, прикусив себе язык. Хвалить женский пол при Спасском — это было практически святотатство!

Лука Матвеевич снова скорчил кислую мину, с возмущением взглянув на Глашу, но блины все-таки положил себе в тарелку.

«А может, у него живот болит? Потому такой кислый!» — про себя предположила горничная.

Откусив половину блина и задумчиво его прожевав, Спасский молча пожал плечами, но положил себе в тарелку еще два блинчика.

То, что блины получились наивкуснейшими, изящными и просто тающими во рту, Глафира не сомневалась, но не хочет он хвалить ее — ну и не надо, она же знает себе настоящую цену. Не обижаться же на такого невежу!

Улыбка против воли коснулась ее губ, когда гость, за пару секунд умяв блинчики на тарелке, потянулся за следующей порцией.

Какое-то время за столом слышались лишь звуки обильной трапезы и пережевывания еды.

Аристарх Венедиктович, заметив, что вкуснейшие блинчики стремительно заканчиваются, принялся накладывать угощение и к себе в тарелку.

Когда первый голод был утолен, Аристарх Венедиктович, вытирая брусничным соусом подбородка, откинулся на спинку стула и наконец спросил:

— Лука Матвеевич, очень рад, что вы посетили нас, зашли к нам на обед, но что же вас все-таки привело в мою скромную квартирку?

У Спасского от вкусного обеда даже вечная кислая ухмылка практически исчезла, но пренебрежительный тон никуда не делся:

— Аристарх Венедиктович, я много слышал о вас, о вашей деятельности...

— Да, вы правы... Все заслуженно... Я лучший сыщик Санкт-Петербурга... — хвастливо выпятил грудь вперед Свистунов, но Спасский не дал ему договорить:

— Да-да, я в курсе, потому для вас у меня есть дело.

— Что-то случилось?

— И да, и нет. Случилось много лет назад, а может, случилось сейчас, — отпивая глоток гишпанского вина, заявил гость.

— Как это?

— Сейчас я вам объясню. — Спасский вытащил из кармана лист старой пожелтевшей бумаги, расправил ее на коленях и принялся зачитывать:

— «Того же лета войско несметное татарски хана Баты пошло на Новгород. Становиши воины на передых у озера, коней отпустиши, спать прилягши. Ночью из вод озера изыдоша лютый зверь, и путь татарам затвориша; людей много татарских, коней татарских поядоша, и ужасоша татары и с криком убегши из русски земли; и паки спрятавшася, а иных избиша. Спасе чудо водное русски людие, спасе град Новоград».

Прочитав текст с большим волнением, Лука Матвеевич внимательно взглянул на притихшего Аристарха Венедиктовича:

— Ну, что вы об этом думаете?

— Извините, я не совсем понимаю... Какое все это имеет отношение? Татары, хан Баты... поядоша... изыдоша... Что это такое? Лука Матвеевич, прошу вас объясниться.

Спасский вздохнул.

— Хорошо, я попробую. — Литератор снова положил ароматный блинчик в свою тарелку, Гла-

фира замерла в углу комнаты, боясь даже дышать от любопытства. — Итак, я вам сейчас зачитал фрагмент древнерусской летописи тринадцатого века, этот отрывок датируется тысяча двести сорок седьмым годом.

Сыщик Свистунов неопределенно пожал плечами.

— Уважаемый Лука Матвеевич, я не увлекаюсь историей, не занимаюсь древнерусской филологией, и вообще...

— Друг мой, — перебил его собеседник, — да, признаюсь, пришлось зайти издалека, чтобы ввести вас в курс моего дела. Но пожалуйста, еще минутку терпения. Итак, хан Батый, согласно этой летописи, не пошел на Великий Новгород, так как неподалеку от города Тверь из озера на войско татаро-монгол напал лютый зверь и «всех татар и коней татарских поядоша, а татары ужасоша».

— И какое отношение лютый зверь тринадцатого века имеет к вам? — нахмурился Свистунов.

— А самое прямое, я бы даже сказал — непосредственное. В Тверской губернии у меня небольшое имение Опалиха плюс парочка деревень с местными жителями, эти земли были в свое время пожалованы еще моему прапрадеду Игнату Смолянову после Ливонской войны. В нескольких вер-

стах от Опалихи есть красивейшее озеро Бросно. Так вот, на берегу именно Бросно лютый зверь набросился на татар. — Спасский обвел сыщика уничтожающим взглядом.

— Так зверь напал в тринадцатом веке, прошло более шести столетий. Вы что же, чудо водное боитесь? — во весь голос расхохотался Аристарх Венедиктович.

Лука Матвеевич, не скрывая своей кислой ухмылки, пожевал губами и ответил:

— Я, как вы, милейший, выразились, не боюсь чуда водного, если бы не одно «но»... За шесть прошедших столетий в водах озера много моих крестьян видели странное существо с огромной лошадиной головой на длинной шее, которой по силу справиться и с обитающими в озере щуками, и с пасущимся на берегу скотом. А недавно возле озера стали пропадать люди — сначала несколько рыбаков не вернулись. Ну, списали все на несчастный случай — лодка вполне могла перевернуться, потом пропал старший конюх, он пошел искать заблудившуюся кобылу к озеру, а потом в камышах у воды была найдена человеческая рука. Одна рука...

— Как это одна рука? — Глаза у Свистунова в ужасе закатились.

— *А так просто, одна рука — как бы откушенная, вся в крови... Рука без туловища... По остаткам одежды рука была опознана как конюха Гришки, — мрачно кивнул Лука Матвеевич.*

— *Вы что же, серьезно считаете, что вашего конюха съело чудовище из озера? Ну это... это немыслимо... нонсенс какой-то... — развел руками Аристарх Венедиктович. — У нас конец девятнадцатого века, мы живем в век прогресса, а тут сказочки детские.*

— *Да нет, не сказочки. Вся дворня в Опалихе, все слуги всерьез болтают о чудовище. Многие его видели, другие слышали, третьим что-то почудилось, но к озеру теперь никто и близко не подходит.*

— *А от меня вы чего хотите? Расследовать гибель конюха? — поинтересовался Свистунов.*

— *Не совсем. Понимаете, в Опалихе в следующем месяце будут именины моего сына Петеньки, в имение приглашены важные гости, родственники. Я не хочу, чтобы праздник омрачился такой неприятной историей, или, не дай боже, какая-то беда случится с именитыми гостями — обещались быть даже племянник губернатора Федор Григорьевич Москвин с женой. Не могу же я им запретить прогуливаться вдоль озера, — нервно меряя шагами столовую, вслух размышлял Лука*

Матвеевич. — Мне вас посоветовали как профессионала, способного справиться с любой сложной криминальной задачей, я бы хотел, чтобы вы разобрались с этим делом.

— А как тут разбираться? Ловить чудовище? Извините, я пас! Я не биолог, не зоолог, и вообще мне мои руки еще нужны! — рассматривая идеальный маникюр на пухлых пальчиках, заметил Свистунов. — Даже не уговаривайте!

— Я уговаривать не буду! Чудовище ловить не надо! Мне надо, чтобы вы были в моем имении на празднике, чтобы ничего страшного не случилось, чтобы вы помогли успокоить приглашенных гостей. Если в Опалихе будет лучший сыщик Санкт-Петербурга господин Свистунов (я уверен, о ваших заслугах многие наслышаны), так вот, если вы будете в Опалихе, то так будет спокойнее и мне, и гостям. А вы прогуляетесь по окрестностям, осмотритесь, подумаете и скажете, есть ли в озере монстр на самом деле или все это детские сказки, — с улыбкой змея-искусителя присел на диванчик к Аристарху Венедиктовичу литератор Спасский.

— Ну, я не знаю... Я в чудовищах ничего не понимаю, плавать не умею... и вообще... у меня много дел... — попытался отбиться Свистунов.

— *Вам нужно будет погостить в Опалихе всего лишь до пятого августа, максимум две недели, и за это вы получите... ну, предположим, столько... — Спасский написал сумму на листке, вырванном из блокнота.*

Аристарх Венедиктович мельком взглянул на листок, его лицо мгновенно разгладилось, он жадно облизнул губы и закивал:

— *Решено, когда выезжаем в Опалиху?*

Тверская область. Наши дни

Вино лилось рекой, все-таки хорошо и весело Миха отмечал свое тридцатилетие. Коллега Семен Гаврилов и друг детства Алексей Лопатин колдовали над шашлыками, девочки — жена Семена Варя и подруга Миши Юлька — накрывали на стол, Костя Смирнов уже выпил и пытался подкатывать к хохочущей над его плоскими анекдотами Светкой. Рядом у самой воды на берегу играли дети — мальчишки именинника Саша и Коля и пятилетняя Анечка, дочка смеющейся Светки, которая в очередной раз пыталась устроить свою личную жизнь.

Из открытой дверцы машины лилась веселая музыка.

Вскоре стало еще веселее, когда уже выпили, хорошо закусили. Дети бодро перебрасывали мячик у самой воды, но вдруг мяч укатился в озеро, Анечка полезла в воду за ним. Мальчишки криками подбадривали ее.

Вдруг громкий крик озарил окрестности:

— Мама-мамочка!

Девочка стремглав выбежала из воды.

— Мама!

Света оторвалась от подвыпившего кавалера и погладила всхлипывающую дочку.

— Что случилось? Чего ты плачешь? — сказано это было довольно резко и грубо.

— Мама! Там... там... — Анечка с воплем показывала в сторону озера. — Там...

— Ну что там?

— Там в воде... дракон! — на одном дыхании выпалила девочка.

— Кто? — пьяно заржал Костик. — Дракон? Какой... ик... дракон?

— Обычный дракон... там... в воде... — плакала Аня.

— Ой, доча, не придумывай. Драконов не бывает! — Света оттолкнула ребенка от себя. — Иди погуляй. Нет там никакого дракона. Драконов не бывает. Насмотрятся мультиков, а потом

чушь в голове, — объяснила она веселящемуся Костику.

— Ага, иди погуляй — иди! — Костик тоже подтолкнул девочку к играющим на песке мальчишкам.

— Дракон! Придумает тоже! — Света ухмыльнулась и вернулась к хохочущему кавалеру.

Через минут двадцать Юлька накрыла небольшой стол для детей, сразу же прибежали шумные и веселые Саша с Колей.

— Руки идите сполосните, все в песке, и Аню позовите. Она где ходит? — отряхивая песок, спросила Света.

— А Ани там нет, — заявил старший Николай, жадно откусывая мясо.

— Как нет? В смысле нет? — переспросила Света.

— Она же с вами играла, — подключился к разговору Миша.

— Она играла, а потом пошла дракона смотреть! — ответил шестилетний Саша.

— Кого?! — удивилась Юля.

Света побежала к воде.

— Аня! Аня! — кричала она, но девочки ни в воде, ни возле озера не было.

Конец июля 1868 г. Тверская губерния.
Имение Опалиха

Лето в этом году выдалось жаркое, пыльное — Глафира от всей души обрадовалась выпавшей возможности провести небольшой отпуск на природе, подышать свежим воздухом вдали от серого и затхлого города. Имение Опалиха находилось в чудесном зеленом месте — с одной стороны двухэтажный каменный дом с изящной колоннадой был окружен многовековыми соснами и светлыми березками, с южной стороны окна комнаты, куда радушный хозяин поселил девушку, выходили в красивейший парк с усыпанными теплой хвоей дорожками.

Приехали в имение поздно вечером. Устав после десятичасовой дороги и долгих выматывающих разговоров Луки Матвеевича, который весь путь монотонно читал свои лекции о господствующем интеллекте мужчин, Глафира заснула сразу же, как голова коснулась подушки.

Улекций публициста Спасского было одно главное достоинство — стоило их вспомнить, как сразу же хотелось спать.

Сначала Лука Матвеевич наотрез отказался брать с собой Глафиру, но тут закапризничал сыщик Свистунов, ведь без личной горничной он никогда из дома дальше соседней улицы не отлу-

чался. Кто же будет ему ажурные блинчики готовить? А надеяться на местную прислугу он не привык, вдруг на тверских харчах еще похудеет от недоедания и перемены мест. Путешествовать Аристарх Венедиктович не любил, что при его внушительной комплекции было вполне понятно, да и трястись в хлипкой кибитке много часов по кривой проселочной дороге — удовольствие не из приятных. Но что поделаешь? Стоило вспомнить кругленькую сумму, обещанную Лукой Матвеевичем за прогулки возле озера Бросно, так сразу же стало легче смириться со всеми тяготами пути.

Конечно, ни в какое чудо-юдо озерное Свистунов не верил, мало ли какими сказками здесь крестьян пугают? Даже обсуждать с Глафирой «люта зверя» не стал, а то еще привяжется к расследованию. Глашку-то хлебом не корми, дай только загадки расследовать. Мало кто знал, что именно благодаря горничной Глафире многие расследования были успешно раскрыты¹, но не быть же детективом женщине, да еще и низкого сословия?

Аристарх Венедиктович хотя и был порядком утомлен, но от позднего ужина, приготовленного местным поваром Архипом, не отказался. Было

¹ Об этом читайте в книге Виктории Лисовской «Путь к золоту Рюрика» (Издательство «ЭКСМО»).

неплохо, но до Глафириной стряпни, конечно же, далеко. Расстраивать местного повара не хотелось, потому, умяв две тарелки буженины с овощами, сыщик Свистунов с печальным вздохом отправился на боковую. Завтра предстояло познакомиться со всеми обитателями имения и наконец-то прогуляться до злополучного озера.

Тверская область. Наши дни

— Сергей Сергеич, вам как всегда? Только с боков подровнять? Как здоровье Марии Антоновны? — Таня привычно орудовала ножницами, колдуя над волосами клиента. — Как на работе дела?

— Ой, Танечка, и не спрашивай. Ты делай как знаешь, ты у нас просто волшебница — так, как ты стрижешь, никто не умеет! — расплылся в комментариях седой, но вполне еще импозантный старичок Сергей Сергеевич.

— Скажете тоже, волшебница! Но не волнуйтесь, все в лучшем виде сделаю! — улыбнулась девушка.

— Хм... волшебница! — Другая парикмахерша Алина, в этот момент размешивающая краску для клиентки, недовольно закатила глаза.

Татьяну она не любила и, если честно, люто завидовала, видя, какие хорошие чаевые ей оставляют благодарные клиенты.

Салон с незамысловатым и немодным названием «Чародейка» был эконом-класса. Здесь стриглись в основном пионеры и пенсионеры, и Алине совсем было непонятно, что тут забыла «волшебница» Татьяна, еще хорошо, что Таня работала в мужском зале, а то всех бы клиенток отбила. Но сама Леонидова со смехом рассказывала, что не любит возиться с длинными волосами клиенток — красить, завивать, а с мужчинами все гораздо легче и проще. Но как бы там ни было, у Тани клиентов хватало, вот и сейчас уже более часа в очереди сидел достаточно симпатичный молодой человек, который, судя по всему, не нуждался в стрижке, и по его ухоженной стильной бородке было понятно, что в парикмахерские эконом-класса, такие как «Чародейка», он принципиально не ходит, но он терпеливо ждал своей очереди и рвался попасть именно к Татьяне Леонидовой, хотя второй мастер, нежный и любвеобильный Славик, уже несколько раз приглашал его к себе в кресло. Но красавчик был непреклонен — только к Татьяне, и точка.

Алина снова недовольно хмыкнула, а Славик пожал сублильными плечиками и побежал курить на задний двор.

Но вот радостный и обновленный Сергей Сергеевич наконец ушел, не забыв положить в кармашек фартука «волшебнице» сумму, превышающую цену его стрижки.

Таня подмела оставшиеся на полу волоски и пригласила в кресло красавчика.

Тот вальяжно подошел и, закинув ногу на ногу, уселся на вращающееся кресло. Таня помогла застегнуть на шее пеньюар-накидку, осмотрела прическу клиента и настороженным голосом спросила:

— Что будем делать?

Тот довольно улыбнулся и на всякий случай уточнил:

— Вы Татьяна?

— Угу, — утвердительно кивнула она.

— Татьяна Леонидова?

— Угу!

— Татьяна Викторовна Леонидова?

— Три раза угу! Вам паспорт показать? — насмешливо спросила парикмахер.

— Нет, паспорта не надо, я вам верю, — вполне серьезно ответил парень. — Я по реко-

мендации Семена Аркадьевича, — понизив голос, заявил он.

— Вы от Семена Аркадьевича, замечательно, — улыбнулась Татьяна.

— Нет, вы не поняли, наверное, от того самого Семена Аркадьевича, — снова шепотом сказал клиент.

— Я вас отлично слышу. Как, говорю, стричься будем?

— А... что? Как стричься? А вы что мне посоветуете?

— Я вижу, что вы стриглись буквально два дня назад, прическа у вас сейчас почти идеальная.

— Почти? Почему почти?

— Если позволите, я бы вот здесь чуток убрала — посвежее будет выглядеть, — посоветовала Таня.

— Хорошо, делайте как считаете нужным. Так что насчет Семена Аркадьевича?

— Семену Аркадьевичу от меня привет! Как он сейчас поживает? Давненько к нам не заходил! — принялась кромсать ножницами парикмахер.

— Семен Аркадьевич вышел на пенсию, а я вот перебрался к нему в отдел, и он сказал, что... — Красавчик немного расслабился в кресле.

— Да, я знаю, что вы перебрались в отдел, уже поняла, — согласилась Таня.

— Откуда вы знаете? — удивился парень.

— Знаю, — скромно улыбнулась девушка.

— А что вы еще про меня сказать можете? Семен Аркадьевич мне про вас многое рассказывал, но хотелось как бы посмотреть...

— Хорошо, как скажете. Итак, зовут вас, скорее всего, Иван. Вы пару недель назад переехали в нашу глушь из Москвы, обживаетесь пока. Любите водить авто, но свою машину продали, здесь передвигаетесь на прокатном авто, синем «мерсе». Не женаты, детей нет. Дома вас ждет длинношерстная персидская кошка. Полковник Сидоркин Семен Аркадьевич, выйдя на пенсию, сразу же сдал вам меня как своего главного осведомителя и помощника в расследованиях, — продолжая орудовать ножницами, заявила Татьяна.

Молодой человек неопределенно хмыкнул.

— Не впечатлили, не женат — потому что нет на пальце кольца? Как это пошло! — рассмеялся он.

— Я вам отвечу словами из отличного советского фильма «Москва слезам не верит»: «Да даже если бы вы носили три обручальных кольца, вы всё равно не замужем». Дело не в кольце,

у вас не только жены, даже постоянной девушки давно не было, только редкие подружки, с которыми вы чаще всего в «Тиндере» знакомитесь.

Парень заерзал под пеньюаром.

— Да, мне Семен Аркадьевич рассказывал про вас, не обманул про вашу наблюдательность. По поводу персидской кошки — я могу понять, хотя это на самом деле кот, а не кошка. Скорее всего, вы заметили шерсть Персика, несколько волосков на футболке. Про пенсию Сидоркина и что я перебрался в отдел — я сам вам сказал. Но что меня зовут Иван, про синий «мерс» и про отсутствие девушки — это откуда вы взяли? Дедуктивный метод в действии? Серые клеточки?

— О, а вы еще прекрасно образованны, — подбривая волоски на шее, ответила Таня. — Пока вы сидели в очереди, вам постоянно приходили оповещения в «Тиндере», этот назойливый звук уведомлений сложно перепутать с чем-либо. Вы увлеченно переписывались сразу с несколькими девушками. Каюсь, я заметила это, когда вы усаживались в кресло и закрывали приложение. Ни одна нормальная жена не позволила бы супругу переписываться в «Тиндере» со знойными красотками в бикини.

— А может, у нас с супругой свободные отношения? — ухмыльнулся парень.

— Нет, ни одна нормальная жена-девушка не выпустила бы вас на службу в темной футболке, на которой видны кошачьи волоски. Персика, — хмыкнула она.

— А может, жена у меня грязнуля и совсем обо мне не заботится. — Снова лукавая улыбка красавчика.

— Нет, с вашей внешностью вы вполне могли найти хорошую девушку, которая хотя бы погладила вам футболку.

— Она что, не глаженная?

— Нет, на ней явно видна полоса, остающаяся после сушилки! — засмеялась парикмахер.

— Девушка вполне могла остаться в Москве, а я приехал сюда один!

— Тогда какие же это серьезные отношения, если вы больше недели тут без близкого человека!

— А вы молодец, Татьяна! Интересные рассуждения! А почему Иван?

— Вы же Иван? Я угадала?

— Да, но как!

— Были еще варианты Илья и Игнат, но, судя по вашему возрасту, скорее всего Иван. Ведь Игнаты стали популярны только недавно.

— Откуда?

— А вы подумайте. — Таня лукаво стрельнула глазами в сторону брелка с буквой «И», болтающегося на мини-борсетке, которую парень положил на полочку у зеркала.

— А... понятно, как все просто, — рассмеялся Иван. — А синий «мерс»? Почему именно он?

— В нашем маленьком городке есть только один приличный пункт проката машин, и, судя по вашему облику, я предположила, что вы возьмете хорошую новую машину, а у нас из приличных есть синий «мерс» и желтая «Ауди», но она с низкой посадкой и подходящая больше молодым девушкам, но никак не щеголеватым стильным приезжим мажорам из столицы, — терпеливо объяснила Таня.

— У вас, Татьяна, действительно очень стройная логика рассуждений, теперь понятно, почему Семен Аркадьевич очень просил зайти и познакомиться с вами.

— Вам уже поручили дело?

— Да, есть странное происшествие на озере.

— На Бросно? А что там случилось?

— Там вчера девочка пятилетняя пропала, обыскали все окрестности, прочесали весь берег — ничего, ни одной зацепки.

— Водолазов вызывали?

— Я тоже подумал, что девочка могла утонуть, но там дно очень илистое, много водорослей, водолазы в таких условиях работать не могут — там не видно ничего на дне, и еще свидетели несут всякую чепуху, — развел руками Иван.

Чепуху?

— Да, представьте себе, будто девочку утащил дракон!

— Бросня, что ли?! Ну вот вы и познакомились с нашей местной достопримечательностью — в озере уже восемь столетий живет чудовище Бросня! А стрижка ваша окончена. — Татьяна принялась снимать с парня пеньюар.

*Конец июля 1868 г. Тверская губерния.
Имение Опалиха*

Аристарх Венедиктович, не привыкший вставать раньше десяти утра, проснулся удивительно рано в имении публициста Спасского, он поднялся, когда еще не было восьми.

На новом месте спалось плохо, все тело болело и ломило после многочасовой поездки в трясущейся кибитке, которая подпрыгивала на каждой кочке и падала в каждую ямку. Еще удивительное чудо, что они все-таки доехали, господин Свистунов со страхом ожидал, что кибитка развалится прямо

посреди дороги. А дороги в России, как известно, оставляют желать лучшего, даже в прогрессивном девятнадцатом веке. Он еще несколько раз перекрестился, что пустился в путешествие в летнюю пору, ведь осенью в грязь и распутицу кибитка бы точно где-нибудь в лесу застряла в топкой грязи.

Представив себе такой ужас, Аристарх Венедиктович боязливо перекрестился, еще пару минут полежал на перине, рассматривая изящную роспись и лепнину на потолке, потом все-таки грустно вздохнул и, найдя серебряный колокольчик в комнате, яростно зазвонил в него.

— Глашка, Глафира, неси воду для умывания, и причем теплую водичку неси, — кричал он в закрытые двери.

Но вместо негодницы Глафиры в комнату заглянула рыжая и веснушчатая горничная с длинной косой чуть ли не до пола.

— Проснулись, барин? Я щаз все принесу! Не изволите гневаться! Щаз! Несу ужо! — затараторила она, устанавливая увесистый кувшин с водой на прикроватный столик.

— Ты кто такая? — удивился Свистунов, натягивая одеяло до шеи. Не хватало еще, чтобы незнакомая служанка его внушительные телеса

увидела, а спать он предпочитал только в одних кальсонах с начесанным мехом на голое тело.

— Я хто? Я Мотя! Матреной кличуть! Я, ваше благородь, вам это... водички... вы же просили! — Девушка встряхнула рыжей косой и улыбнулась щербатым ртом.

— А Глашка где? Моя служанка где? Она почему не идет?

— Глашка?! Так она... это... ее... это... ее Лука Матвеевич послали в озеро!

— В озеро? Зачем? Мою служанку без моего разрешения в озеро? Послали?!

— Так... вы... это... Спать изволили... храп стоял, вас не хотели будить... А Лука Матвеевич Глашку послал сопровождать Петьку и Матильду Львовну с Клопадрой!

— Кто? Что? Матильда? Клопадра? Кто это? Что это? Я ничего не понимаю! — Аристарх Венедиктович подскочил с постели, не отрывая одеяло от широкой голой груди.

— Так это... это... хоспода они и Клопадра... такая... ну... лохматая. — Мотя задумалась.

— Матрена, спасибо тебе большое, можешь идти на кухню, я сам все объясню Аристарху Венедиктовичу. — В комнату неспешной походкой зашел сам литератор Спасский. — Как вам спалось? — поинтересовался он у гостя.

Мотя кивнула и мгновенно испарилась в дверях.

— Спалось нормально. Но я так и не понял, куда подевалась моя Глафира, — капризно надул губы Свистунов.

— Ваша Глафира сопровождает моего сына Петра Лукича и прибывшую в гости мою родственницу из Москвы Матильду Львовну Метинскую, они собрались прогуляться в сторону озера. Вот я и отправил с ними Глафиру, чтоб та за Клепочкой смотрела, — медленно объяснил Спасский.

— А Клепа — это кто? Клопадра?

— Точнее, Клеопатра! Маленькая злобная собачка — любимица Матильды Львовны, она у нас помешана на модной ныне египетской теме и свою болонку назвала в честь какой-то там царицы египетской, — улыбнулся Лука Матвеевич. — Женщины, одним словом, — пожал он плечами, иллюстрируя недалекий ум всего женского пола.

— Да, я слышал, у нас в столице тоже все с египетской темой с ума походили. Вы слышали, на набережной у нас даже двух страшилищ поставили, фынксами кличут, страх божий, — перекрестился Свистунов.

— Не волнуйтесь за свою служанку, они должны уже скоро вернуться, вы одевайтесь, умывайтесь и спускайтесь в столовую к завтраку. Вам прислать Мотю на помощь? Она, конечно,

дура редкостная, как и многие существа слабого пола, — публицист закатил глаза к потолку, — но помочь умыться в состоянии.

*— Спасибо, Лука Матвеевич. Раз уж Глафиры нет, я сам как-нибудь, — обиженно засопел Сви-
стунов.*

*— Ну, извините, ваша горничная хотя бы при-
лично разговаривать умеет, не мог же я с Ма-
тильдой Львовной, которая из самой Москвы при-
ехала, нашу Мотю отправить? Или еще какую
деревенскую девку? — прищурил глаза Спасский.*

— Я понимаю, — горестно вздохнул детектив.

*— Отлично, я жду вас в столовой. Наш Архип
тоже умеет блины стряпать! — улыбнулся хозяин
имения.*

Тверская область. Наши дни

*— Ты представляешь, Танечка, лова совсем
нет! Вот раньше, еще пару лет назад, эх, каких
щук вытаскивали из озера! Во такую. — Миха-
ил Степанович показал вытянутую вперед руку,
судя по его описанию, щуки раньше водились
размером с крупного теленка. — А дед мой го-
ворил, что в его годы еще больше бывали! — ух-
мылялся в пышные усы рыбак.*

*— Не крутитесь, пожалуйста, Михал Сте-
панович, а то неровный затылок получится. —*

Парикмахер Леонидова довольно резко нагнула голову клиенту, но мужчину это ничуть не смутило.

— А ты слышала, Танюш, говорят, снова в озере чудо-юдо появилось и даже, говорят, девочку съело маленькую.

— Да ладно? — Крупная, дородная дама Аделаида Возикова оторвалась от разглядывания картинок в женском журнале, который листала в ожидании, пока краска на волосах наконец высохнет. — Девочку съело? Вот ужас-то!

— Ну, а я про что?! Съело-съело, там же в деревне Выползово я с мужиками часто и рыбачу, так вот в Бросно опять этот монстр появился! — эмоционально принялся размахивать руками Михаил Степанович.

Парикмахер Таня снова глубоко вздохнула.

— Михал Степанович, ну не двигайтесь, а? — чуть ли не взмолилась она.

— Да как не двигаться, когда детей едят! — отбивался клиент.

— А что, прям видели этого монстра? — подалась вперед Возикова в надежде услышать новую сплетню.

— Так малая и видела, мамке успела рассказать, а потом, дуреха, зашла в воду... и все! — Глаза у Степановича загорелись ярким светом.

— Да нет там никакого монстра, чушь собачья, — присоединилась к разговору второй мастер Алина. — У меня тетка в Выползове живет, всю жизнь к ней в гости ездим. Какие монстры, двадцать первый век на дворе! — подавляя зевок, сообщила Алина.

— Нет, не чушь! Это этот... как его... плезиавр... во... как в Лох-Нессе в Шотландии! — яростно доказывал рыбак Степанович.

— Плезиозавр, — на автомате поправила его Таня, добривая волосы на шее. — Только они все давно вымерли, еще в мезозое.

— Самая умная, что ли? Вымерли! Так не все вымерли, в Шотландии сохранился один монстр, у нас другой. У них Несси, у нас Бросня! Надо их скрестить и динозавриков маленьких разводить, — захохотал басом рыбак.

— Скрестить их?! Тьфу ты, вот напасть! — в сердцах плюнула Аделаида. — Ваш Бросня тут девочку умыкнул, а ты, дурак старый, еще скрещивать предлагаешь!

— И совсем не старый, — обиженным голосом сообщил Степанович.

— Да непонятно, что там с девочкой! Может, она сама утонула, может, убежала куда, может, украли девочку! Никто же не видел, кроме

нее, этого Бросню, — пыталась донести умную мысль до окружающих рациональная Таня.

— Ага, не видели! Ты как будто не здесь живешь, периодически видят в озере монстра, и в газетах писали, и даже телевидение пару лет назад к нам приезжало, и вообще чуть ли это чудовище еще монголо-татар не поело тут в тринадцатом веке, — снимая с себя пеньюар и расплачиваясь за стрижку, сообщил Михаил Степанович.

— Монголо-татар? — фыркнула Алина. — Ага, и наполеоновскую армию он поел, и фашистов гитлеровских, и инопланетян тоже, — засмеялась девушка. — А наши в темноте бревно трухлявое за динозавра принимают, вот и все ваши монстры!

— Нет уж, мой дед его сам видел, а ему еще его дед рассказывал... — выверился рыбак.

— А мой племянник говорил, что даже снимал на телефон что-то с длинной шеей... — кричала со своего кресла Аделаида, в воздухе размахивая мокрыми прядями выкрашенных волос.

Стилист Славик беззвучно хихикал на своем кресле, играя в шарики на телефоне.

— Плезиозавры, драконы! Чепуха какая! — веселился он.

У Тани от всего этого гвалта разболелась голова, весь город шипел и бурлил, как растревов-

женный улей. Все клиенты «Чародейки» наперегонки рассказывали про монстра, про съеденных девочек, про испуганных монголо-татар и про оживших плезиозавров. К вечеру уже не осталось даже сил вступать в полемику с ними.

Она очень надеялась, что клиентов на сегодня больше нет и можно спокойно пойти домой, но когда она уже собрала свою сумку и передела рабочий комбинезон, то заметила возле выхода из салона стильный синий «мерс» и обворожительного капитана полиции Ивана Куликова, который уверенно махал ей рукой.

*Конец июля 1868 г. Тверская губерния.
Имение Опалиха*

Матильда Львовна Метинская оказалась довольно молодой и привлекательной дамой, от всей души очарованной волшебной страной Египет. Матильда Львовна была падка на все модные веяния как в литературе, так и в истории. Последние годы вся Москва, все высшее общество открыло для себя удивительный и притягательный мир Древнего Египта. Госпожа Метинская не стала исключением и вечерами, втайне от своего супруга полковника Глеба Семеновича, зачитывалась научными работами о культуре и религии страны на берегу Нила.

Египет завораживал, увлекал, затягивал в пучину тайн и всевозможных загадок, Матильда Львовна вовсю уговаривала Глеба Семеновича составить ей компанию в жаркую страну пирамид, но супруг был непреклонен — он не любил путешествовать и дальше своего имения в Димитровке никогда не выезжал.

До смерти обидевшись на благоверного, Матильда Львовна решила отправиться в гости к родственникам, навестить племянника Петеньку и поздравить его с днем ангела в полном одиночестве. Глеб Семенович сам телеграфировал господину Спасскому о прибытии обиженной женушки и просил присмотреть за ней и за ее кошмарной Клопадрой, названной в честь какой-то Клопадры египетской.

Матильда Львовна, проснувшись в самую рань и разбудив любимого племянника Петеньку, вихрастого и нескладного отрока шестнадцати лет, запросилась прогуляться по окрестностям, ведь и до нее дошли странные слухи о водящемся в озере непонятном чуде-юде. Конечно, это не тайны Древнего Египта, но загадки местного масштаба, что тоже Матильда очень любила. Своего двоюродного брата, чопорного и нудного Луку Матвеевича, она переносила с трудом с его псевдонауч-

ным бредом о преимуществах мужского пола перед прекрасным, а вот от Петеньки может быть толк, если его правильно воспитать. На местного воспитателя-гувернера Вильямса надежды было мало — дальше дебрей непроходимой английской грамматики с Петром они не продвинулись, а с математикой у мальчика были огромные проблемы, точнее, он был в ней полный ноль. Лука Матвеевич грозился сдать сына в пансионат, а через год зачислить его в кадеты, но пока приходилось самому заниматься отроком, ведь единственная и любимая женушка, не выдержав жесткий и нудный нрав публициста, укатила с молодым поклонником в Париж, а о бывшем супруге и непутевом сыне и не вспоминала.

Матильда выпросила себе в сопровождение служанку Глафиру, чтобы та присматривала за Клепачкой, тащила упирающуюся болонку на поводке и следила, чтобы любимица хозяйки не убежала в дремучий лес.

— Ах, Петенька! Как я рада, что мне удалось увидеться с вами, — весело щебетала госпожа Метинская, с интересом разглядывая высокие сосны и ели, нависавшие над лесной тропинкой.

— Да, тетушка, я тоже очень рад, — вяло и неуверенно промямлил Петенька.